

Скорая *Помощь*

Алисон Робертс

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ
НАДЕЖДЫ

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Скорая помощь – Harlequin

Алисон Робертс

Темный ангел надежды

«Центрполиграф»

2011

Робертс А.

Темный ангел надежды / А. Робертс — «Центрполиграф»,
2011 — (Скорая помощь – Harlequin)

Спасаясь от преследования, медсестра Элли приходит в дом своей подруги, но вместо этого оказывается в компании незнакомых brutальных мужчин. Она думает, что ошиблась дверью и попала в байкерский притон, а может, даже в штаб-квартиру бандитов. Незнакомцы были с головы до ног в черной коже – в куртках с заклепками на плечах и локтях, в узких штанах с защитной подкладкой, в тяжелых ботинках. В руках у них были пивные бутылки. Опасная ситуация? Элли тоже так казалось, пока в дверь этого странного дома не постучал... отец ее ребенка. И тут выясняется, что все не так, как кажется. Незнакомцы оказываются отличными парнями, да к тому же коллегами-врачами, а преследователь Элли – насильником... Впрочем, окружающие считают его порядочным человеком и отличным хирургом. Жизнь Элли и ее ребенка на волоске. Кто поможет ей избежать смертельной опасности?

© Робертс А., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алисон Робертс

Темный ангел надежды

Глава 1

Трое стояли рядом – высокие, темные, молчаливые. В одинаковой одежде из черной кожи, у каждого в одной руке – мотоциклетный шлем, в другой – по откупоренной бутылке ледяного пива. Одинаковым жестом они подняли бутылки, с глухим мрачным звуком стукнув ими друг о друга. Их голоса, звучавшие как один, были столь же мрачными:

– За Мэтта.

Долгий глоток янтарной жидкости. Достаточно долгий для того, чтобы каждый мог предаться воспоминаниям о товарище, которого с ними больше не было.

Память о нем, бережно хранимая и усиливаемая этим ежегодным ритуалом, сейчас, однако, была особенно горькой. Прошло уже десять лет.

И двадцать с тех пор, как небольшая компания талантливых, но скучающих ребят из школы «Грейстонс грэммар» получила ярлык «плохие». Ярлык, который сохранился, даже когда эти четверо стали лучшими выпускниками медицинского колледжа. Теперь «плохих ребят» осталось лишь трое, но за эти годы их связь закалилась крепче стали.

Жидкость была выпита до капли, бутылки опустелись – по-прежнему в мертвой тишине.

Резкий стук в дверь был настолько неожиданным, что один из мужчин вполголоса выругался. На досадную помеху никто не обратил внимания, но стук повторился, еще более настойчиво, а следом раздался голос. Голос был женский и напуганный:

– Сара! Ты дома, Сара? О боже, пожалуйста, будь дома! Открой, умоляю тебя!..

Трое переглянулись. Один из них недоверчиво покачал головой. Другой согласно кивнул. Третий – Макс – двинулся к двери.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Элли крепко зажмурилась, чтобы не расплакаться, собираясь постучать в третий раз. Она не представляла, что будет делать, если Сары все-таки не окажется дома. От одной мысли об этом ей захотелось изо всех сил забарабанить в дверь кулаками. В отчаянии она занесла руку, чтобы снова постучать, но не смогла и поняла, что дверь открывается. Окончательно потеряв равновесие, Элли неуверенно шагнула вперед.

И уставилась на черную футболку, видневшуюся из-под черной же мотоциклетной кожаной куртки, сразу вспомнив, что видела несколько мощных мотоциклов, стоявших возле дома, но не обратила на это внимания. О боже! Наверное, она ошиблась дверью и попала в байкерский притон! А может, даже в штаб-квартиру бандитов или лабораторию по производству метамфетамина. Сильные мужские руки сжимали ее плечи, заставляя держаться прямо и одновременно втаскивая в это опасное гнездо. Сердце Элли сперва замерло, а потом сильно заколотилось.

– Отпустите меня, – пробормотала она. – Руки прочь.

– Не беспокойтесь, – проговорил мягкий рокошующий голос где-то над ее головой. Он звучал... утомленно? Или заинтересованно? – Я просто не хотел бы видеть вас лежащей плашмя на моем полу.

Для бандита эта фраза была на удивление вежливой. Ну, Элли тоже не лыком шита.

– Я ошиблась дверью.

Чтобы восстановить равновесие, пришлось еще раз шагнуть вперед.

Она уронила сумочку и уперлась обеими руками в оказавшуюся перед ней широкую грудь. Господи боже, на ощупь она напоминала кирпичную стену. Элли опасливо взглянула вверх и встретила взглядом с ее владельцем. Темные волосы, темные глаза, выражающие некоторую озадаченность. Никаких татуировок нет, пирсинга тоже. Да и выглядит он на удивление опрятно для члена байкерской группировки.

Элли посмотрела по сторонам и сдавленно вскрикнула: в квартире были еще двое! Разглядывали ее, причем один – с явным раздражением. Они тоже были с головы до ног в черной коже – в куртках с заклепками на плечах и локтях, в узких штанах с защитной подкладкой, в тяжелых ботинках. Блестящие молнии и заклепки с той же вероятностью могли бы оказаться цепями и кастетами. В руках у них были пивные бутылки. Очевидно, она им помешала, и они были недовольны. В комнате не хватало воздуха – трое больших и потенциально опасных мужчин, которые здесь находились, его почти полностью израсходовали.

Элли выпрямилась в полный рост (который, увы, составлял всего пять футов и три дюйма) и сказала насколько могла бодро:

– Послушайте, я ошиблась дверью. Я ищу Сару Прескотт. Я, пожалуй, пойду. – Она повернулась к выходу и обнаружила, что первый из «гангстеров» отрезал ей путь к отступлению, встав в дверях и полностью их загородив. Она нервно сглотнула. – Мне очень жаль, что я вас побеспокоила. – «Может, удастся проскользнуть мимо. О сумочке, вероятно, придется забыть, но это уже не имеет значения».

Мужчина, казалось, не шевелился, однако дверь за его спиной стала закрываться. Элли произнесла:

– Мне нужно идти. – Дрожь в голосе была заметна даже ей самой.

– Искать Сару?

– Да.

– Это срочно?

– О да! – Уж в этом у нее не было сомнений. Она даже энергично закивала для убедительности.

– Что случилось?

Элли распахнула рот от удивления. Неужели же она станет рассказывать об этом первому встречному! Даже если бы у нее было время (которого, к слову сказать, нет), зачем ему вообще об этом знать? Она смотрела на него в растерянности.

– Все в порядке, – спокойно сказал он. – Здесь вы в безопасности.

Откуда он знал, что именно эти слова были нужны ей больше всего на свете? А она откуда с такой уверенностью знала, что может ему верить?

Еще мгновение Элли продолжала молча смотреть на него. А потом разрыдалась.

Лицо, обрамленное тяжелой и плотной волной густых каштановых волос, показалось Максиму таким беспомощным. Он видел страх этой девушки и тот эффект, который произвели на нее его слова поддержки. Она расслабилась. Она его совсем не знала, но доверилась ему. Теперь он чувствовал, как давит на него груз ответственности. О чем он вообще думал?

И вдруг ее огромные карие глаза наполнились слезами, и она сдавленно всхлипнула. Это послужило последней каплей. Но это было еще не все. Когда он обхватил хрупкую фигурку незваной гостьи и ощутил под руками ее твердый выпуклый живот, скрытый под широким свитером, его сердце сжалось еще сильнее. Так вышло, что несколько мгновений назад он предложил свою помощь женщине, которая, казалось, пыталась скрыться от чего-то (или кого-то).

Беременной женщине.

– Макс, – предостерегающе окликнули его друзья. – Что ты делаешь, дружище? Она ошиблась дверью, вот и все.

– Нет. – Бережно поддерживая сотрясавшуюся от беззвучных рыданий девушку, он помог ей добраться до дивана. – Сара Прескотт раньше жила в этой квартире. Она улетела в Штаты на прошлой неделе.

– Что?

Макс снова почувствовал сильный толчок в грудь.

– Не может быть! – Слезы размазались по лицу девушки, и она шмыгнула носом не самым элегантным образом. – Сара уезжает в пятницу. Завтра. Именно поэтому я здесь. Я поеду с ней.

– Да, в пятницу. В прошлую. – Макс вздохнул и позволил себе бросить взгляд на безразмерный свитер. – Вы правда думаете, что вас пустили бы на международный рейс? Когда у вас срок?

Она изумленно открыла рот, и он практически увидел ход ее мыслей. Она поняла, что он почувствовал форму ее тела, пока ее поддерживал. Бледные щеки покрылись румянцем, но она промолчала.

Возмущение, вызванное неожиданным вторжением в столь сокровенный момент, давно прошло. Теперь Макс чувствовал искорки любопытства, поневоле разгоравшиеся в остальных. Но здесь была девушка, с которой произошло несчастье, и она нуждалась в помощи.

– Присядьте, – предложил Макс. – Как вас зовут?

– Элли, – ответила она, ни на дюйм, однако, не двинувшись, – Элли Питере.

– Я – Макс. Тот парень, что кладет свой шлем на стол, – это Рик, а это Джет¹.

Это ее удивило, и Макс добавил:

– На самом деле его зовут Джеймс, но он всегда любил самолеты, да и волосы у него черные, видите?

Элли медленно кивнула, в то же время с тревогой поглядывая на остальных. Рик теперь стоял у окна.

– Волосы у него черные только потому, что он их красит, – мимоходом заметил он.

Джет хмыкнул, давая понять, что Рик сполна заплатит за этот комментарий, а губы Элли дрогнули в слабой улыбке. Отлично, она начинает успокаиваться. Может, удастся вызвать у нее, зачем ей так срочно была нужна уехавшая подруга, посоветовать что-нибудь и потом избавиться от нее.

Остальным скоро пора разъезжаться, а они не так уж часто собираются вместе, чтобы их радовала необходимость делить с кем-то оставшееся время встречи. Неудивительно, что Джет выглядел таким раздраженным.

– Хотите что-нибудь выпить? – предложил Макс. Взгляд автоматически упал на ее выпуклый живот. Неудивительно, что он это почувствовал. Удивительно другое: он словно бы и сейчас ощущал эту округлость как часть тела, сотрясавшегося от рыданий, которые она так старалась удержать. Округлость, словно бы отпечатавшуюся в нем самом. Элли смотрела на пивные бутылки на столе. – Я имею в виду, воды или чего-то такого...

– Не хотелось бы прерывать вечеринку, – медленно произнес Рик, – но там, на улице, какой-то парень, и он явно интересуется этой квартиркой.

Элли ахнула и метнулась в сторону, чтобы не быть замеченной из окна. Двигаясь вдоль стены, она украдкой выглянула из-за края оконной рамы.

– О нет! – застонала она. – Это Маркус. Я думала, что оторвалась от него в аэропорту.

– Кто такой Маркус? – поинтересовался Макс, стремительно шагнув вперед и глядя в окно. Однако на улице уже никого не было, кроме таксиста и его машины.

– Он... мы... – Элли явно затруднялась подобрать нужные слова. – Мы встречались. Недолго. Но оказалось непросто закончить с этим.

Было очевидно, что она имеет в виду. Макс подавил вспышку ярости.

¹ Игра слов. «Jet» в переводе с английского означает одновременно «реактивный самолет» и «угольно-черный цвет».

– Он вас преследует?

– Ну... вроде того.

– Откуда вы приехали?

– Сегодня? Из Веллингтона. Думаю, он нанял частного детектива и тот выследил меня по билетам на самолет. Ему ведь пришлось лететь из самого Окленда, чтобы успеть к моему рейсу.

– Окленд! Ну конечно! – прищелкнул пальцами Рик. – То-то мне этот тип показался знакомым.

Все моментально повернулись к нему.

Макс и Элли хором воскликнули:

– Ты его знаешь?

– Маркус Джонс, хирург-ортопед, не так ли?

– Д... да, – запнулась Элли, совершенно сбита с толку.

Рик пояснил:

– Встретился с ним, когда работал в Оклендском госпитале несколько лет назад. – Он невесело вздохнул. – У одного парня была довольно неприятная спинномозговая опухоль. Я собирался попробовать новый метод. Немного рискованный, но в целом вполне реальный. Нервы бы не повредило. – Макс и Джет понимающе кивнули. – Однако этот тип умеет убеждать. Уговорил пациента и его родню следовать традиционной процедуре. Бедняга вышел с параличом конечностей и искусственной вентиляцией легких. Возможно, уже откинул копыта.

Макс поймал вопросительный взгляд Джета и слегка кивнул:

– Играет по правилам.

– Да, черт побери, он считает, что способен устанавливать правила! – бросил Рик.

– Значит, вот как? – Макс произнес это достаточно угрожающе, чем заслужил одобрительные взгляды остальных.

Однако стоило ему взглянуть в широко раскрытые глаза Элли, как он увидел – она совершенно не понимает, о чем они говорят, и это совсем не способствует ощущению безопасности. Стоит ли тратить время и объяснять ей, что одной из вещей, что их связывали, было убеждение, которое все они разделяли, – иногда правила нужно нарушать? И каждый из них ни минуты не колебался, делая это, когда считал необходимым.

Но времени не осталось. Раздались удары в дверь, гораздо более требовательные, чем нерешительный стук Элли.

– Открой дверь. – Тот, кто это сказал, явно привык командовать. – Я знаю, ты здесь, Элеонора.

Джет двинулся к двери.

– Нет! – выдохнула Элли. – Пожалуйста...

Макс и Рик встали по обе стороны от нее. Макс покачал головой:

– Вряд ли он уберется отсюда без посторонней помощи. Ты здесь в безопасности, помнишь?

– Ну... – проговорила она неразборчиво, но с надеждой, и это словно зацепило какую-то струну в душе Макса.

– Ты хочешь, чтобы он ушел, не так ли?

– Да.

– Навсегда?

– Да!

Джет распахнул дверь.

– Наконец-то. – Невысокий мужчина в полосатом костюме шагнул через порог. – Пойдем, Элеонора, такси ждет.

Элли молчала. Макс видел, как дрожат у нее губы, хоть она и старается сжать их крепче. Пришелец сделал еще шаг вперед и только тогда заметил, что Элли в квартире не одна. Он огля-

нулся на Джета, который закрыл дверь и прислонился к ней спиной, скрестив руки на груди, с угрожающим выражением лица. Макс чуть было не ухмыльнулся: никто не умеет разыгрывать опасного парня лучше, чем Джет. После Джета взгляда удостоился Рик и, наконец, сам Макс. Хорошо, что они все еще были одеты в свои черные «косухи», – они только сегодня вернулись из ежегодной памятной поездки в честь Мэтта. И еще лучше, что все они дюймов на шесть повыше, значительно крепче и намного моложе пронырливого хирурга.

Маркус Джонс прочистил горло:

– Кто эти люди, Элеонора?

Элли по-прежнему не произнесла ни слова. Она сейчас заметно напоминала дикое животное в свете фар, решил Макс и снова перевел взгляд на неожиданного визитера. Он наблюдал, как Маркус нервно сглатывает, выдавая волнение, и вдруг понял: этот человек – попросту мерзавец. Мысли о том, что он запугивал женщину, стоящую рядом, оказалось достаточно, чтобы в его груди вновь заклокотал гнев.

Хирург простер руки наигранным жестом убеждения и обратился к находившимся в комнате мужчинам:

– Послушайте, я не знаю, что она вам наплела, но это всего-навсего недоразумение. Элеонора – моя невеста, она носит моего ребенка, и я приехал забрать ее домой.

Макс ощутил, как Элли покачнулась у него за спиной. Он обнял ее за плечи, и она прижалась к нему. Посмотрев вниз, он встретился с ней взглядом. В глазах девушки была отчаянная мольба о помощи, перед которой не мог бы устоять ни один настоящий мужчина. Тем более столь разгневанный.

– Странно, – неожиданно для самого себя произнес он, – мне Элли сказала, что ребенок мой. – Он смерил чужака взглядом. – И знаешь что? Я ей верю.

Повисла гробовая тишина, и это было неудивительно. Макс и сам был поражен тем, что только что сказал.

«Ребенок мой»?

Эти слова он не ожидал произнести никогда в своей жизни, и они оказали на него довольно странный эффект. Словно легкое покалывание, оказавшееся неожиданно приятным. Да, приятным. Благодаря им он почувствовал себя выше и сильнее.

Рик издал сдавленный смешок, который довольно удачно замаскировал под кашель. Джет, не видимый Маркусом, недоверчиво покачал головой и даже не потрудился скрыть ухмылку. Макс же выпрямился во весь рост (шесть футов три дюйма) и продолжил не мигая смотреть на визитера.

– Элеонора... – Тот прищурился. – Ты, наконец, скажешь что-нибудь или так и будешь стоять как кукла?

Джет снова открыл дверь.

– Леди не хочет с вами разговаривать, – сказал он. – Почему бы вам не убраться отсюда подобру-поздорову?

– Не смей приказывать, что мне делать, – огрызнулся Маркус. – Я – главный хирург ортопедического отделения Оклендского центрального госпиталя, и мне все равно, из какой вы банды, так что лучше уберитесь с дороги, иначе пожалеете.

– Ну и что же ты с нами сделаешь? – вкрадчиво произнес Рик. – Схалтуришь и бросишь на искусственной вентиляции легких до конца жизни?

– Что ты сказал? – Хирург смерил Рика злобным взглядом, от которого у Макса по позвоночнику побежали мурашки.

Этот человек был опасен. Макс сильнее прижал к себе Элли.

– Глазам своим не верю. Ты – тот самый выскочка-ординатор, который считал, что знает больше меня!

– Это было несколько лет назад, – произнес Рик. – Теперь я старший нейрохирург.

– А я – главный врач отделения неотложной помощи, – добавил Макс. – Твой статус тебе здесь не очень-то в помощь, дружище.

– Я дежурю в скорой помощи, когда бываю в городе, но большую часть времени я медик Особой воздушной службы², – промурлыкал Джет. – Так что твои угрозы здесь не подействуют.

Макс услышал, как Элли шумно вдохнула. Она что, тоже решила, что они бандиты? Впрочем, она ему все еще верит. Это ему нравилось. Что бы там ни творилось у нее в голове, кажется, она чувствовала себя смелее.

– Уходи, Маркус, – произнесла она. – Я сказала тебе очень давно, что не хочу больше тебя видеть.

Маркус Джонс, наоборот, выглядел все менее и менее самоуверенным. Он переступил с ноги на ногу и через плечо покосился на открытую дверь.

– Она теперь со мной, – для убедительности добавил Макс. – Моя женщина. И мой ребенок. – Он зловеще улыбнулся. – Теперь катись отсюда к черту и никогда больше не возвращайся.

Все они наблюдали в окно, как Маркус Джонс забрался в такси и уехал.

Рик со смешком произнес:

– Неплохо, Макс.

Джет снова потряс головой:

– Да уж, ты припас нам неплохого кота в мешке. Впрочем, старик, мне пора двигаться отсюда. Поздновато уже.

– Это верно. – Рик потянулся за шлемом. – Тоже, пожалуй, пойду. До скорого.

Земля ушла у Макса из-под ног. Его товарищи собирались его бросить, а Элли все еще здесь. Что ему с ней теперь делать?

Те, впрочем, прекрасно сознавали, в какой ситуации его оставляют. Они наслаждались его замешательством и широко ухмылялись.

Макс проводил их до дверей, изо всех сил пытаясь придумать способ убедить их остаться и при этом не сделаться мишенью для насмешек на все последующие годы. Но они прикинулись, что ничего не понимают. Рик похлопал его по плечу:

– Ты что-нибудь придумаешь. Твоя женщина, не так ли? И твой ребенок?

Эхо их громкого хохота слышалось ему еще долго после того, как за ними захлопнулась дверь.

² Особая воздушная служба – подразделение спецназа вооруженных сил Великобритании.

Глава 2

Хриплый рев мотоциклов стих вдали, но Элли по-прежнему ощущала, как дрожит под ногами земля. Или это ее саму все еще трясло от встречи лицом к лицу с Маркусом Джонсом? Ноги сами понесли ее к одному из стульев, стоящих вокруг стола, и она рухнула на него. Самый страшный кошмар сбылся. Маркус нашел ее. Он знал – она беременна, и был абсолютно уверен, что ребенок от него. Но она победила, хоть и не до конца. Возможно, ноги все еще дрожали в том числе потому, что она понимала – Маркус легко не сдастся, но этот раунд она выиграла, благодаря невероятной команде закованных в черную кожу ангелов. Без сомнения, они были самой впечатляющей единицей мужской силы, с которой она когда-либо сталкивалась, и они помогли ей. Защитили. Заставили Маркуса Джонса убежать, поджав хвост.

Ему это вряд ли понравилось. Слабая безотчетная улыбка, заигравшая на губах Элли, когда она вспоминала своих «ангелов-хранителей» в действии, резко погасла.

– Как ты? – Макс протащил стул по кафельному полу и подсел с противоположной стороны стола. Он сдвинул черный глухой шлем в сторону, где он звякнул о три пустые пивные бутылки.

– Я в порядке. – Звон отвлек ее от размышлений. – Мне жаль, что я прервала вашу вечеринку.

Макс улыбнулся уголком рта:

– Если бы это была вечеринка, бутылок осталось бы гораздо больше, чем три, и более того, все они были бы пусты. – Он потер лицо. – Это была просто встреча. Довольно символическая, если учесть, что парням сегодня нужно на работу. Это, ну, что-то вроде ритуала. – Его голос окрасился печалью, зацепившей какую-то струнку в душе Элли. – Юбилей.

Она смотрела на него, пока он говорил. Его лицо было очень серьезным. Глаза у него были темно-карие – хорошо подходили к вьющимся волосам, торчавшим в разные стороны от долгого пребывания под шлемом. Непослушные завитки упрямо торчали тут и там, что придавало ему растрепанный, но довольно привлекательный вид. Картину дополняла легкая небритость. Элли следила за его рукой, поглаживавшей линию подбородка, и практически ощущала пальцами щетину. Казалось, что обычно он бреется как минимум раз в день, но в этот раз не потрудился. Под глазами у него были круги и небольшие морщины, скорее мимические, чем от возраста. Вряд ли он намного ее старше. Наверное, ему немного за тридцать.

В воздухе висел отзвук его голоса.

– Юбилей чего-то печального? – осторожно спросила она. Это совсем не ее дело, но, в конце концов, она перед ним в долгу. В довольно серьезном долгу, и меньшее, что она может сделать, – это выслушать его, если он захочет выговориться.

Теперь он на нее смотрел. Настороженно. Потом отвел взгляд и вздохнул.

– Раньше нас было четверо, – просто сказал он. – Вот, видишь? – Он показал на фотографию в серебряной рамке, стоявшую на почетном месте на книжной полке под окном.

Четверо молодых мужчин, по виду немного за двадцать, стояли перед огромными сверкающими мотоциклами. Они были в кожаной одежде, каждый держал под мышкой шлем, и все улыбались. Эта фотография лучилась ощущением молодости, силы и надеждами на будущее. Элли узнала Макса и Рика и третьего, со странным именем Джет. Четвертый был пониже остальных, с буйными курчавыми волосами. Он выглядел моложе. Слово его приняли в свою компанию старшие братья.

– Сегодня – десять лет со дня смерти Мэттью.

– О... – Элли воспользовалась моментом, чтобы снова посмотреть ему в лицо.

Теперь ей было понятно, почему они так слаженно встали на ее защиту. Этот мужчина способен на глубокие чувства! Он до сих пор любил друга, умершего десять лет назад. Он был

способен хранить верность. Господи боже, совершенно незнакомый человек, так хорошо подготовленный, чтобы защитить ее. Неудивительно, что ее инстинкты столь убедительно говорили, что ему можно доверять.

– Мне жаль, – тихо сказала она.

Макс поднял взгляд.

– В жизни иногда случаются странные совпадения, – сказал он, пытаясь улыбнуться, но его лицо выражало вызывавшую сочувствие боль. – Мэтт погиб из-за ребят вроде твоего приятеля Маркуса Джонса.

– Он мне не приятель! – яростно произнесла Элли, но Макс, казалось, ее не слышал.

Он закрыл глаза. У него были невероятно длинные темные ресницы.

– Там были правила, и нужно было им следовать. – Он снова открыл глаза, но казалось, видел перед собой совсем другое место, не то, где находился вместе с Элли этим тихим воскресным вечером. – Их эгоизм не позволил им даже задуматься о том, что они могут ошибаться. Мы тогда только окончили медколледж, а какой врач отклонится от процедуры всего-навсего из-за наших предчувствий? Или позволит нам менять список дежурств, чтобы мы могли присматривать за Мэттом? Да он сам говорил, что все в порядке. Что у него просто болит голова. Что он выспится, и все пройдет.

Макс прервался и сделал глубокий вдох, но Элли все еще молчала. Она была готова слушать, даже несмотря на то что знала – у этой истории вряд ли будет счастливый конец.

– Мы к тому времени уже были легендами благодаря тому, как отрывались, но даже это не помогло. К тому времени как мы закончили дежурить, Мэтт уже был в коме из-за кровоизлияния в мозг. Они держали его на системе жизнеобеспечения ровно столько, сколько было нужно, чтобы дать родственникам возможность подумать о пересадке. – Макс снова вперился взглядом в бутылки с таким видом, словно бы с удовольствием сейчас хлебнул чего-нибудь. – Они не хотели, чтобы мы ошивались рядом, – произнес он без выражения. – Да и с чего бы им этого хотеть. С нами за компанию он постоянно попадал в переделки. Его сестра Ребекка была уверена, что мы могли бы спасти его, просто недостаточно старались. Это были очень тяжелые времена. В конце концов мы оседлали мотоциклы и уехали, чтобы хорошенько расслабиться. А когда вернулись, оказалось, что они отключили аппараты и Мэтт мертв. Как бы то ни было, – он потряс головой, отгоняя воспоминания, – теперь мы делаем это каждый год. Уезжаем куда глаза глядят, а потом заканчиваем вечеринку бутылочкой холодного пива.

– А я вам помешала, – с раскаянием в голосе произнесла Элли, но Макс улыбнулся:

– Но зато мы получили возможность поразвлечься с одним из этих самовлюбленных адептов правил. Ведь в то время мы еще не знали, как нужно с ними обходиться. Поверь мне на слово, это достаточная компенсация.

Его улыбка производила на Элли странный эффект. Уголки его губ впервые приподнялись одновременно, и улыбка была теплой, на этот раз без примеси скорби или угрозы. Элли чувствовала, как эта теплота проникает внутрь ее и постепенно растапливает льдистый ком напряжения, от которого уже начинала невыносимо болеть спина. Прилив адреналина постепенно сходил на нет, оставляя за собой чувство полного истощения, но все было в порядке, потому что эта улыбка дарила энергию. Это было очень необычно. Элли было очень жаль, что она слишком устала, чтобы улыбнуться в ответ.

– Ну, вот моя история. – Макс приподнял бровь, в то время как его лицо снова приобрело суровые черты. – А что случилось с тобой, Элли Питерс?

Теперь он знал, что ее полное имя Элеонора, но продолжал звать ее Элли. Ей это нравилось. Хотела ли она рассказать ему свою историю? О да. Но испортит ли она этим первоначальное впечатление? Вполне вероятно. Элли не хотелось, чтобы Макс стал думать о ней хуже, поэтому она промолчала. Макс терпеливо ждал, бежали секунды, но он не сводил взгляда с ее

лица. Элли нервно поерзала от усиливающейся боли в спине. И желудок тоже чувствовал себя как-то странно. Как будто он раздумывал, достаточно ли в нем содержимого, чтобы его извергнуть. Слава богу, выяснилось, что нет. Откровенно говоря, она вообще не помнила, когда в последний раз ела – вчера вечером?

– Он говорил правду? – ровным голосом спросил Макс. – Ребенок от него?

Элли почувствовала в этот момент горькое сожаление. Кажется, у нее не оставалось другого выбора, кроме как смириться с тем, что Макс будет думать о ней хуже. Она была обязана, по крайней мере, быть с ним честной.

– Да.

Такое короткое слово, но как же больно его произносить. Как бы Элли хотела, чтобы это не было правдой. В ее глазах блеснули слезы, но Макс словно бы ничего не заметил.

– Как вы познакомились?

– Я была у него операционной сестрой. В Окленде. Он долгое время даже не знал, как меня зовут, но потом неожиданно заметил и стал обращаться со мной на операциях добрее. И со всеми остальными тоже.

Макс изогнул бровь, такую же темную, как и его невероятные ресницы:

– А обычно он не был таким уж милым? Можешь не отвечать, дай угадаю. – Он поставил локти на стол и, говоря, стал складывать пальцами пирамидку. – Вспыльчивый характер? – Он сцепил большие и указательные пальцы. – Швыряет инструменты, когда недоволен? – Элли наблюдала, как встретились средние и указательные. – Периодически начинает над всеми насмехаться?

Элли вскинула голову:

– Откуда ты знаешь?

Макс сжал пальцы в кулак:

– Я знаю этот тип. И что же было после его мистической личностной трансформации?

– Он... ну... пригласил меня на свидание.

– И ты упала в его объятия?

Он говорил нарочито равнодушно, что заставило ее поморщиться.

– Нет, – сказала Элли поспешно. – Он мне не нравился, но... – она вздохнула, – Маркус был очень настойчив и... он может быть довольно обаятельным, хочешь – верь, хочешь – нет.

– О, я верю, – жестко произнес Макс. – Помешанные на контроле парни готовы пойти на что угодно, если это им необходимо, чтобы получить то, что они хотят.

Элли глубоко вздохнула. Ей хотелось уже закончить эту исповедь. Она торопливо произнесла:

– Я сходила с ним на свидание. Но всего дважды.

Макс откинулся на стуле. По выражению его лица все было понятно, да и чему тут удивляться. Всего два свидания, и она уже беременна? Но потом он нахмурился:

– Он не из тех, кому нравится ответ «нет», не так ли?

Элли закусила губу. Об этом ей не хотелось разговаривать. Ни с кем. Ей не хотелось об этом даже вспоминать.

Возможно, страх и стыд при воспоминании о той ночи отразились на ее лице. Макс явно увидел достаточно, чтобы выругаться – негромко, но с чувством:

– Мерзавец! Черт побери, жаль, что мы позволили ему уйти невредимым. Если бы мы представляли...

Элли решительно покачала головой:

– Нет. Это бы только все ухудшило. В конце концов он все равно победит – как-нибудь. Он всегда побеждает.

– Не в этот раз.

Он произнес это словно обещание, но, увы, оно было не из тех, которые Элли могла позволить себе принять. Ради себя и своего ребенка. И ради самого Макса и его друзей. У каждого из них была карьера в медицинском мире. Удар может быть нанесен на любом из уровней.

– Я справлюсь, – заверила его Элли. – Уеду из страны. Сменю имя и начну заново – где-нибудь, где он нас никогда не найдет.

– Угу. – Его сомнение звучало как приговор.

– Что?

– Ты не должна позволить ему выиграть.

– Я не могу бороться. Я пыталась. Я даже угрожала ему, чтобы он оставил меня в покое, и что ты думаешь? Я потеряла работу. Он подстроил дело так, что я выглядела совершенно некомпетентной, и подал жалобу. Меня не стали слушать, и мне пришлось перевестись в гериатрическое отделение³, но ему даже этого было мало.

Макс ничего не говорил, но внимательно слушал.

– Он всегда был поблизости. Готовый помочь, если я соглашусь. Извинения, обещания, угрозы. Цветы, звонки и бесконечные эсэмэски, и все это по отдельности выглядело абсолютно невинно. Он дожидался меня со смены, и я никогда не знала, появится он в шесть утра или в полночь. Сару, с которой мы тогда жили вместе, это выводило из себя, и я уехала из города. Нашла работу в Веллингтоне. Сара тоже уехала, через несколько недель. Сказала, что была напугана, потому что Маркус постоянно приходил и спрашивал, где я, а ей ведь было нужно еще заботиться о Джоше.

Макс кивнул:

– Я знаком с ним. Неплохой парень.

– А ты знаешь, что он ее племянник, а не сын?

– Она мне говорила. С ее сестрой ведь произошел несчастный случай несколько лет назад?

– Так и есть. И Сара была единственной из родственников, кто мог забрать его. Ему всего девять, поэтому я не виню ее, что она так испугалась. Хотя она считала меня виноватой в проблемах, которые возникли из-за Маркуса. По месяцам со мной не разговаривала.

– Почему вы не обратились в полицию?

– Кто бы стал слушать медсестру, которая пытается опорочить всеми уважаемого хирурга? Я уже познакомилась с его способностью влиять на людей, когда пыталась сохранить свою должность в операционной. У меня не было никаких доказательств – со стороны все это выглядело как романтические поступки, а его все считали просто очаровательным.

– Ты знала, что беременна, когда уезжала?

Элли отрицательно покачала головой:

– Мне это даже в голову не приходило: я принимала таблетки, чтобы избавиться от боли во время месячных, и они так хорошо работали, что временами я их совсем не замечала. Поняла только через несколько месяцев, когда было уже поздно что-то делать, даже если бы я... – Со вздохом она умолкла.

С каждой минутой становилось все хуже. Он наверняка решит, что она слабая, раз согласилась встретиться с Маркусом. И глупая – даже не подумала о возможности забеременеть. И не обратилась в полицию. А вдруг он еще и не одобряет аборт? Господи, помоги...

– Ты бы не хотела, чтобы такой мужчина был отцом твоего ребенка? – В голосе Макса звучало понимание, и Элли с облегчением вздохнула:

– Нет.

– Могло быть и хуже, – задумчиво произнес он. – Не так уж и плохо он выглядел.

³ Гериатрическое отделение – отделение для ухода за людьми пожилого возраста.

Элли пораженно ахнула.

– Да и коэффициент интеллекта у него явно выше среднего.

Он что, смеется над ней? Кажется, она в нем жестоко ошиблась.

– Немного низковат, правда... – продолжил он и взгляделся в Элли, – но и ты не сказать чтобы великанша... – Он кивнул. – Наверное, это будет девочка – изящная и симпатичная, как мама. – Он снова ей улыбался. – Если бы он отправился в банк спермы, на бумаге он выглядел бы вполне впечатляюще, не правда ли? Бьюсь об заклад, все его нежелательные качества от воспитания, а не от природы.

Яркая вспышка страха и гнева, что он недооценивает тот кошмар, в котором она жила долгие месяцы, уступила место чему-то совсем иному. Чему-то прекрасному. Чему-то, что делало само собой разумеющимся, что она любит своего будущего ребенка и ей больше не нужно стыдиться, чувствовать вину или страх за будущее, которое она может ему дать.

Этот мужчина дал ей не только чувство безопасности. Он дал ей надежду.

Элли улыбнулась дрожащими губами:

– Спасибо.

– Не стоит. – Макс смотрел в сторону. Его что, смущают проявления благодарности? – Так тебе известно, что будет девочка?

– Нет.

– И ты даже не спросила врача на УЗИ?

– Я не делала УЗИ...

Элли слишком поздно поняла, что проговорила. Макс посмотрел на нее недоуменно:

– Как?

– Я не делала УЗИ, – повторила она. Неужели он не понимает? – Я не могла пойти в женскую консультацию, потому что это бы зарегистрировали. Я знала, что Маркус меня ищет, и не хотела рисковать.

– А в больнице в Веллингтоне разве тебя ни о чем не спросили, когда ты устраивалась на работу?

– А я и не устраивалась на работу в больницу. Я устроилась сиделкой к одному из парализованных. Работала до последнего, пока не стало слишком тяжело, а потом наконец удалось связаться с Сарой, которая сказала, что едет в Америку, и тогда я привела в порядок паспорт и...

– Эй! – Макс поднял руку. – Сдай-ка назад. Ты хочешь сказать, что вообще не проходила наблюдение у врача? И УЗИ не делала?

– Мне всего двадцать восемь, – возразила Элли, защищаясь. – И со здоровьем все в порядке, никогда не было проблем. Я регулярно сама себе мерила давление и даже анализ мочи могла сделать, потому что у пациента, за которым я ухаживала, всегда были индикаторы. Я принимала нужные витамины и соблюдала диету. Всю нужную информацию нашла в учебниках – я же медсестра, в конце концов! Могу сама о себе позаботиться. Если бы мне вдруг понадобилась помощь, я бы обязательно за ней отправилась. Я же не дура.

По тому, как Макс приподнял бровь, было ясно, что он предпочитает умолчать о своем мнении по этому вопросу.

– На каком ты сроке?

– Тридцать шесть недель и два дня.

– В какой позиции ребенок?

– Я... – Это было как раз то, что Элли долго и безуспешно пыталась выяснить. Головку ребенка было трудно обнаружить с помощью пальпации.

– Ты не знаешь, правда?

Элли отвела глаза, сжала губы и постаралась усилить зарождавшуюся внутри вспышку обиды.

- Где ты собиралась рожать, учитывая твое нежелание регистрироваться в больнице?
- Я могу обратиться в больницу. Где-нибудь. Под чужим именем.

– А если тебе все же удастся попасть в самолет, что ты будешь делать, если схватки начнутся на высоте тридцати тысяч футов? На расстоянии нескольких часов до ближайшего аэропорта?

Он злился. На нее. И это было невыносимо. Он дал ей чувство безопасности и надежду, а теперь отнимал эти драгоценные ощущения. Элли никогда за всю свою жизнь не чувствовала себя такой несчастной. Такой невыносимо одинокой.

Макс был потрясен. Он предложил Элли защиту, и теперь, когда он знал, от чего именно, он мог только благодарить судьбу за то, что оказался в нужное время в нужном месте. А теперь она собиралась подвергнуть опасности собственную жизнь и жизнь своего будущего ребенка, намереваясь провести ее остаток, постоянно прячась и обманывая. Сейчас он не видел ее лица, потому что от его сурового тона она опустила голову, и он мог видеть только медную гриву волос и кончик вздернутого носа. Что он там сказал о ее ребенке? Изящная и симпатичная, как мама? Он был абсолютно искренен, но мог кое-что к этому добавить. Предположить, что у нее будет такой же великолепный цвет волос и выразительные глаза. Рук Элли, скрытых рукавами старого свитера, он не видел, но был уверен, что они столь же гармонично сложены, как лицо и ладони.

Зато он мог видеть, как она защитным жестом обнимает живот и как сутулит плечи, словно бы ограждаясь от враждебного внешнего мира. Разве она мало преодолела трудностей, чтобы еще и он приставал со своими поучениями?

– Извини меня, – мягко сказал Макс. – Я не хочу делать все хуже. Я помогу тебе, чем смогу.

Элли посмотрела ему в глаза, и он не мог отвести взгляд. Он помнил цвет ее глаз, но совершенно забыл об их воздействии. Он чувствовал этот взгляд, как прикосновение руки. Как просьбу о поддержке. Об опоре. Он же может дать ей эту малость.

- У тебя ведь нет нового адреса Сары?

– Нет. – Макс нахмурился. – Ты ведь знаешь, почему она так внезапно сорвалась в Штаты?

– Честно говоря, нет. В письме она подробно не объясняла. У меня сложилось впечатление, что она собралась начать все сначала. Новую жизнь.

- Нет, дело не в этом.

Элли выглядела шокированной:

- Она хотела убраться от меня подальше?

- Нет. Она не сказала тебе, что у Джоша обнаружили лейкемию полгода назад?

– О господи! – У Элли перехватило дыхание. – Я помню, она беспокоилась о нем, когда я уезжала. Она считала, что эта ситуация на него плохо влияет. В том числе поэтому я и уехала из Окленда.

– Они ничего не знали, пока не приехали сюда. Здесь ему стало намного хуже, и она решила, что обязана попытаться найти его отца, чтобы в случае чего иметь возможность пересадки костного мозга. Ей удалось найти его по свидетельству о рождении – оказалось, что он доктор и работает в Калифорнии. И она решила, что лучше всего будет устроить ему встречу с Джошем. По телефону или по электронной почте гораздо легче сказать «нет». Она собирается, если получится, оставаться в Штатах до тех пор, пока не сделают пересадку.

– Наверное, ей нужна помощь в уходе за ним. Я могла бы помогать ей. Бедная Сара. Наверняка она нуждается в дружеской поддержке, даже если больше ни в чем.

Ее решимость могла бы вызывать восхищение, если бы не дрожь в голосе, которая показывала, что она, так же как и он, отлично понимает, что этот план ведет в тупик.

– Элли, тебе нельзя сейчас ехать в Штаты, – мягко произнес Макс.

– Тогда в Австралию. Здесь всего несколько часов пути.

– У тебя есть там друзья или родственники?

– Ну, у меня есть знакомые в Дарвине⁴.

– Почти так же далеко, как и Штаты. А с нашей стороны Австралии? Мельбурн, Сидней, Брисбен?

Элли вздохнула:

– Нет.

– Как же ты справишься одна?

– Найду работу. Я хороший специалист в своем деле.

– Уверен, так и есть. – Макс подавил вздох. – Но разве ты сможешь устроиться операционной сестрой без документов, подтверждающих квалификацию? Без справки с прошлого места работы? Они ведь наверняка захотят поговорить с твоим предыдущим начальством.

Элли снова отвела взгляд:

– Ты прав... я знаю. – Горечь поражения звучала в ее словах. – Я постоянно прокручиваю все это в голове, мучаюсь и надеюсь только на то, что мне удастся что-нибудь придумать. Какой-то выход, который сработает. – Она бросила на него взгляд, и он увидел, что ее глаза блестят от слез. – Но я не могу. Мне остается только жить одним днем, думая о том, что мне нужно делать сегодня. Даже в течение ближайших нескольких часов.

– То, что тебе нужно делать сегодня, – это убедиться, что с тобой и твоим ребенком все в порядке.

Она покорно кивнула:

– Я пойду к врачу завтра. Найду акушерку.

– И будешь рожать в больнице?

Элли затрясла головой:

– Я не могу! Что, если Маркус узнает? Захочет провести тест на ДНК или что-нибудь такое и убедится, что ребенок его? Тогда он его заберет. – Элли держалась за стол мертвой хваткой. – Я не позволю этому случиться! Я не отдам этого ребенка! Это мой ребенок! – Она повернулась, собираясь уходить.

– Эй... Мой вообще-то тоже. В каком-то смысле. – Макс тоже вскочил, собираясь ее остановить.

Если она сейчас уйдет, он не сможет ей помочь, а он уже взял на себя эту ответственность, когда «признал отцовство». Понятно, что он притворился и мог бы сейчас забыть об этом, но странным образом это чувство делалось сильнее.

Элли уже преодолела полпути до двери, но внезапно свернула, чтобы забрать сумочку, которая по-прежнему лежала на полу неподалеку. Вдруг она резко остановилась, обхватила руками живот и, к ужасу Макса, перегнулась пополам, крича от боли. На ее джинсах появилось темное пятно. Господи, неужели у нее отошли воды?

Через мгновение он уже был рядом с ней, обнимая ее и помогая лечь на пол прямо там, где она стояла. Когда он убрал руки, то заметил на своих ладонях явные следы крови.

– Не шевелись, Элли, – сказал он. – Все будет хорошо. Я сейчас вызову скорую.

⁴ Дарвин – город в Австралии, столица Северной территории.

Глава 3

Завывания сирены все еще звучали у него в ушах, пока Макс шел за носилками, на которых Элли несли в отделение экстренной помощи госпиталя Королевы Мэри в Данидине. Этот звук был фоном к той бурной деятельности, которую Макс развернул с того момента, как девушка свалилась на пол у него в квартире. Он поставил ей внутривенный катетер, чтобы противодействовать потере крови; и еще один, когда стало ясно, что кровяное давление слишком упало и она стремительно теряет сознание. Макс следил за монитором электрокардиограммы, чтобы понимать, какой эффект потеря крови оказывает на сердечный ритм, и увеличивал подачу кислорода, если его уровень в крови падал. Все это было гораздо хуже, чем то, что, как он представлял, могло ожидать ее на международном рейсе. У нее были бы проблемы, даже если бы это случилось во время местного перелета, всего несколько часов назад. Или на улице, перед тем как она так неожиданно постучала в его дверь.

Она в опасности. Как и ребенок. Хотя сейчас он не мог себе позволить беспокоиться о ребенке. Он знал, что состояние матери должно быть на первом месте. Он неоднократно сталкивался с такими случаями в больнице. Внематочная беременность с разрывами. Разрывы матки. Травмы. Но это не была какая-то незнакомая женщина, привезенная к нему в больницу на «скорой помощи» под завывания сирены. Это была Элли, которой он обещал, что теперь все будет хорошо.

– Предродовое кровотечение, – сообщил он ошарашенной медсестре, когда носилки внесли сквозь электронные двери в залитую ярким светом приемную.

– Макс! Что ты здесь делаешь?

Он не обратил внимания на то, что сразу несколько человек повернулись в его сторону. Он, конечно, обычно приходил на работу иначе, да и в мотоциклетном костюме появлялся здесь нечасто, но это не оправдывало непрофессионального поведения коллег.

– Первое травматологическое свободно?

– Да. Мы получили сообщение. Акушер уже в пути. – Медсестра последовала за быстро удалявшимися носилками. То же сделала и регистратор с папкой.

– Мы не знаем имени, – обеспокоенно сказала она.

– Элли, – отрезал Макс.

Они прошли еще одни двойные двери и оказались в отделении, лучше всего оснащенном для работы с тяжелыми случаями. Санитары остановили носилки возле кровати, покрытой белоснежными простынями. Остальные терпеливо ждали, в фартуках и перчатках, готовые действовать. Они все знали свои обязанности. Сперва нужно быстро заменить переносное оборудование на стационарное. Младшая медсестра держала наготове ножницы, готовая разрезать одежду. Рядом с кроватью поставили каталку, на ней лежал уже раскрытый чехол для инструментов на случай, если понадобится вентиляция легких.

Макс не удивился, увидев врача, который готовился контролировать и состояние пациента, и общее развитие событий. Сейчас Джет был в операционном халате, а на шее у него висел стетоскоп. В его реакции не было ничего непрофессионального; когда он увидел, кто привез пациента, он даже не моргнул глазом.

– По моему счету, – спокойно произнес он. – Раз, два... три!

Когда они положили Элли на кровать, на носилках осталась лужа крови. Элли застонала и открыла глаза.

– Все в порядке, – сказал Макс, склоняясь над ней. – Мы в больнице. Джет тоже здесь, он за тобой присмотрит. Мы все позаботимся о тебе.

Ее глаза снова закрылись.

– Давление падает, – произнес Макс, стараясь говорить спокойно и отстраненно. Не получилось.

Джет поддерживал ее голову, чтобы обеспечить доступ воздуха. Он наблюдал, как быстро поднимается и опускается ее грудь, и перевел взгляд на монитор, как только датчик кислорода в крови начал показывать первые результаты. Он нахмурился и очень быстро взглянул на Макса:

– Что, черт возьми, случилось?

– Массивное кровотечение. Как гром с ясного неба, стоило ей встать. И сильная боль.

Регистратор по-прежнему была здесь. Дежурила за спиной сестер, которые меняли режимы кардиографа, передавали сосуды с раствором и закрепляли манжету для измерения давления.

– Как ее фамилия? – спросила она. – Сколько ей лет?

Ординатор положил руки ей на живот:

– Она рождает? Какой срок?

– Тридцать шесть недель и два дня, – сказал Макс.

Элли была практически раздета и полностью беззащитна. Выставлена на обозрение все увеличивающейся команде медперсонала. Появился кто-то из акушерского отделения, вместе с техником, катившим портативный прибор для УЗИ. Джет прижимал к лицу Элли кислородную маску и хмурился, глядя на цифры на мониторе над ее головой. Он склонился над ней и громко проговорил прямо ей в ухо:

– Элли, ты меня слышишь? Открой глаза.

«Она не захочет, – подумал Макс. – Это так унижительно».

– У нее есть какие-либо родственники, которые предоставят необходимую информацию? – настаивала женщина-регистратор. – Ее муж приехал с ней? Или ее партнер? – Женщина понимала, что вопросы бесполезны, но продолжала настаивать: – Кто отец ребенка?

Эти слова словно задели переключатель у Макса в голове, и их эффект усилился тем, как Элли была в данный момент беззащитна. Как ей сейчас было тяжело. Он пытался защитить ее и вместо этого попал в очередной кошмар, но по-прежнему пытался помочь. Понимает ли она, что вообще происходит? Ей по-прежнему страшно? Знает ли она, что он рядом? Она так стремилась держаться от больниц подальше, чтобы защитить своего ребенка. Возможно, будет лучше всего, если он поможет ей и использует тот же прием, который однажды уже сработал.

– Я – отец ребенка, – четко произнес он.

На другом конце комнаты кто-то уронил на пол что-то металлическое, и звук разнесся во внезапно повисшей после его слов тишине. Джет еле слышно выругался, но взгляд его был по-прежнему прикован к монитору, и его слова вполне могли быть объяснены обеспокоенностью состоянием пациентки. Макс был достаточно близко, чтобы сказать ему пару слов, которых никто не услышит.

– Я потом объясню, – прошептал он. – Просто подыграй мне.

Регистратор удовлетворенно записывала на прикрепленном к планшету листе бумаги.

– Фамилия? – весело спросила она.

О господи! Если Элли запишут под настоящим именем, придется иметь дело с Маркусом Джонсом, у которого будет достаточно времени сюда приехать. Даже если все пройдет лучше, чем они все ожидают, вряд ли ее отсюда быстро выпустят. Думать было некогда. Назвался груздем – полезай в кузов.

– Мак-Адам, – устало произнес он. – Мы женаты.

Медсестра, накладывавшая отведения для электрокардиографии, взглянула на него, раскрыв рот от удивления. Остальные тоже обменялись пораженными взглядами, но регистратор знала, что она на верном пути:

– Сколько лет вашей жене?

– Двадцать восемь.

– Дата рождения?

Если бы он знал. Все это уже зашло достаточно далеко; гораздо дальше, чем надо, судя по тому, как на него покосился Джет.

– Давайте позже, – прорычал Макс. – С бумагами разберемся потом.

– Но нужно...

– Уйдите, – произнес Джет. – Вы нам мешаете. – Он поднял голову, не глядя на Макса, но осматривая всех остальных и раздавая указания. – Нужна интубация, – сообщил он. – Уровень кислорода в крови достаточно низкий. Понадобится внутривенное и артериальное вливание.

– Я могу сделать это, – предложил Макс.

– Своей жене? – отрицательно покачал головой Джет. – Я так не думаю. – Он кивнул ординаторам, давая им знак начинать. – Сделайте экспресс-анализ. Нужно узнать группу крови.

– Еще понадобится анализ на резус-фактор и антитела. – Акушер наблюдал за тем, как техник начинает ультразвуковое исследование. – Похоже, у нее предлежание плаценты и начались роды. Шейка матки полностью раскрыта.

Меньше чем через час, в разгар битвы за ее жизнь, Элли Питерс произвела на свет маленькую девочку. Теперь к команде врачей первого травматологического присоединились педиатры. И консультант из отделения интенсивной терапии, специалист по геморрагическому шоку, происходящему от сильной потери крови. Об Элли было кому позаботиться, о ребенке тоже. Макс, оттесненному на второй план благодаря своему фальшивому положению, было нечем заняться, кроме как наблюдать. Он разрывался между мониторами, оценивая по их показаниям состояние Элли и эффективность проводимой терапии, и человеческим существом, над которым склонилась женщина-педиатр.

– Она маловата, но здоровье в порядке, – вдруг сказала она. – Дыхание в норме, но сердечный ритм замедлен. Мне показалось, кто-то говорил, что отец здесь?

Элли была без сознания. Кровотечение прекратилось после родов, но тем не менее она потеряла много крови. Сейчас она была подключена к системе искусственной вентиляции, поскольку переживала дыхательную недостаточность от потери жидкости организма. Джет и врач-реаниматор были обеспокоены состоянием почек: последние анализы показывали ухудшение почечных функций. Прикинувшись отцом ребенка, Макс поступил так, как считал правильным, и теперь уже не мог отступить. Джет ничего не скажет, потому что Макс попросил его ему подыграть и еще потому, что братство, которое они составляли вместе с Риком, держалось на полной преданности. Впрочем, вокруг было множество желающих что-нибудь сказать. Указать на него пальцем и поставить в неловкое положение, о котором все отделение будет еще долго судачить.

– Вы – отец? – Педиатр была с ним не знакома, поэтому в ее словах не было удивления. – Прекрасно. Пойдемте с нами. Мы отнесем вашу дочь наверх, и вы ей понадобится.

Макс сделал шаг к группе ухаживавших за ребенком. И еще один. А потом остановился:

– Я не могу... – Он через плечо посмотрел на Элли. И снова на ребенка, чистого и завернутого в мягкие пеленки.

Во что, черт возьми, он здесь вляпался?

Голос Джета был спокоен:

– Дружище, для Элли ты сейчас ничего не можешь сделать. Скоро мы отвезем ее в реанимацию. Побудь лучше с ребенком. Я навещу тебя, как только смогу.

«Куда бы ни отправили ребенка – в родильное отделение или в педиатрическую реанимацию – там в любом случае будет спокойнее», – говорил тон Джета. Они смогут поговорить без свидетелей. Возможно, даже разобраться со всем тем, что Макс здесь натворил.

План выглядел разумно. До завтрашнего утра Макс не нужно на дежурство, так что у них в распоряжении целая ночь, чтобы все утрясти. Немного отстраниться от ответственности за Элли может быть неплохим первым шагом. Он шагнул к ребенку и кивнул:

– Пойдемте.

– Может, поддержите ее?

– М-м-м... Я не уверен, что это хорошая идея.

Педиатр снова посмотрела на монитор, где было видно, что сердечный ритм новорожденной еще более замедлился.

– Может помочь. Вы что-нибудь слышали о «методе кенгуру»?

– Нет.

Макс смотрел на девочку. Она лежала на боку, белая мягкая шапочка закрывала завитки темных волос. Одна ручка согнута, маленькая ладошка в форме морской звезды подпирает щеку.

Макс никогда еще не проводил столько времени с таким маленьким ребенком. Он, конечно, много раз принимал роды, – пока учился и потом, во время недолгой работы в акушерском отделении, – но в неотложке это было редкостью, и детей быстро забирали куда-нибудь в более подходящее для них место, вроде детской реанимации. Но он никогда не был с ними как-либо связан. Сейчас, впрочем, тоже не был, – только в качестве самозванца. На самом деле ему вообще не стоило бы здесь находиться.

– Метод появился в семидесятые годы, – прервал его мучительные раздумья голос педиатра, – но сейчас привлекает все больше последователей. Это просто-напросто тесный физический контакт, кожа к коже, с одним из родителей. Поскольку состояние малыша стабильно, не вижу причин им не воспользоваться; к тому же он способствует насыщению крови кислородом и улучшению дыхательного ритма. В случае с замедленным сердцебиением может заметно помочь.

– Кожа к коже? – В голосе Макса, вопреки его воле, звучал испуг. – Вы шутите?

– Вам не придется расхаживать голым, – улыбнулась врач. – На самом деле было бы неплохо поместить ребенка к вам под одежду для поддержания ровной температуры тела. – Ее улыбка стала более ободряющей. – Я понимаю, она выглядит такой хрупкой и крошечной, и ее появление было несколько неожиданным...

– Вы даже не представляете насколько, – пробормотал Макс.

– И я знаю, вы беспокоитесь за Элли, – продолжала она, – но это возможность помочь всем одновременно, и, возможно, в первую очередь вам самому.

– Что? – Теперь Макс внимательно слушал. Ему очень нужно было помочь самому себе. Желательно быстро. – Как именно?

– Вы будете делать то, что Элли сейчас не может сделать самостоятельно, – заботиться о своем ребенке. Вы вполне можете серьезно помочь малышке в медицинском плане. – Она посмотрела на него и слегка нахмурилась: – Если вы совсем не хотите, я попрошу кого-нибудь из санитаров, но, поверьте, намного лучше, если это будет родитель. Это создаст связь, которая поможет перенести стресс последующих дней.

Макс чувствовал себя словно зверь в зоопарке за стеклом. Все смотрели на него: педиатр и ее помощник, медсестра возле колыбели, даже другие медсестры, которые просто проходили мимо по коридору по своим делам. Казалось, что все затаили дыхание в ожидании, что же он будет делать. Все они думают, что он отец ребенка, а какой отец откажется делать что-либо, что может помочь ребенку? Если станет слишком очевидно, что у него нет ни малейшего желания создавать с этим ребенком связь, люди начнут задаваться вопросами. Как минимум начнутся сплетни, а чем меньше об этом вообще будут говорить, тем лучше. Ради безопасности Элли. Ведь с этого же все и началось, верно? Он решил про себя, что в следующий раз будет

более осторожен, и криво ухмыльнулся, кивая и позволяя препроводить себя в удобное кресло, которое специально для этого поставили в углу.

С девочки сняли одеяльце, оставив только чепчик и пеленку. К миниатюрному пальчику на ноге был прикреплен датчик насыщения кислородом, и еще несколько почти незаметных датчиков и проводов соединяли ее с кардиомонитором. Макс встревоженно отметил, что она почти голая. Крошечная, розовая, с тоненькими ручками и ножками, она выглядела очень странно.

– Держите ее прямо и лицом вниз, – сказала педиатр. – Медсестры будут за вами наблюдать. Если уровень кислорода или пульс потребуют вмешательства, сработает сигнализация.

Максу пришлось пожертвовать воротом футболки, чтобы от него не потребовали ничего снимать. Вертикальный разрез позволил отвернуть ворот таким образом, чтобы он не закрывал личико ребенка. Он услышал хныканье девочки, когда ее поднимали. О господи... ему совершенно не хочется этого делать. Но сдавать назад, кажется, уже поздно.

Зазвенела сигнализация, предвещающая недоброе. Возможно, малышке тоже не нравилась эта мысль. Ее пульс беспорядочно менялся.

– Может, положить ее обратно? – Макс прилагал усилия, чтобы в его словах звучало меньше энтузиазма.

– Давайте повременим пару минут.

Подавив вздох, Макс приподнял низ своей старой футболки, и медсестра уложила туда ребенка и накрыла его – сверху разместила полка кожаной куртки – и потом показала ему, как правильно придерживать младенца. Он чувствовал себя очень странно и неловко. Ребенок шевелился у него на груди, двигал ручками и ножками, словно протестуя. Макс чувствовал, как поднимается и опускается маленькая грудь, как будто малышка пыталась дышать и плакать одновременно, но это оказалось слишком утомительным, и движения постепенно стихли.

Макс осторожно поглядел вниз и увидел, что глаза ребенка открыты. Они были настолько темные, что казались черными, и смотрели прямо на него. Он очень аккуратно сделал вдох и медленно выдохнул.

– Посмотрите-ка! – раздался радостный голос педиатра. – Пульс участился, и ритм сохраняется.

Они подождали еще минуту, в то время как Макс сидел настолько неподвижно, насколько это вообще в человеческих силах.

– Кажется, все в порядке, – вынесла вердикт врач. – Продолжайте, Макс. Мы вас оставим.

– Ага... – Он наблюдал, как медперсонал постепенно расходится. Кажется, через пару минут он останется здесь в одиночестве. – Как долго мне здесь оставаться?

– Чем дольше, тем лучше, – весело произнесла медсестра. – Сколько сможете.

Макс откинул голову и закрыл глаза. Вдох, выдох. Он чувствовал, как дышит ребенок. Теперь, когда они остались одни, он даже чувствовал, как бьется его сердце. Еле заметное быстрое постукивание у него на груди, практически напротив его собственного сердца. Так странно. Он открыл глаза, опустил подбородок и снова взглянул вниз. Ребенок не спал. Девочка по-прежнему смотрела на него неожиданно пристальным взглядом, который в то же самое время выражал крайнее удивление.

– М-м-м, – сочувственно пробормотал Макс, – я прекрасно понимаю, как ты себя чувствуешь. Но не переживай, скоро мы со всем разберемся.

* * *

– Вау! Что это ты делаешь?

– Ох, господи.

Джет и Рик, войдя в тускло освещенную комнату, обнаружили Макса по-прежнему сидящим в кресле, с ребенком, свернувшимся у него на груди под кожаной курткой.

– Тише, не разбудите ее.

У Рика от удивления глаза полезли на лоб.

– Я случайно наткнулся на Джета, когда он выходил из взрослого отделения неотложки, – произнес он театральным шепотом. – Решил – заскочу поздороваться, и... – Его ухмылка растянулась до ушей. – Правильно сделал, что зашел. Такое не пропустил бы за сто баксов. Что ты творишь?

– Работаю кенгуру, – пробурчал Макс. – Отстаньте.

Джет взглянул на мониторы:

– Вроде с ней все нормально. Почему бы тебе не положить ее в кровать и не пойти с нами выпить кофе?

Макс вздохнул:

– Потому что каждый раз, когда я пытаюсь это сделать, начинаются перебои с сердцем и уровень кислорода падает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.